

ЧЕСЛАВ КИРВЕЛЬ

доктор философии

ПРОРЫВ К ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И только Россия ещё способна сегодня потрясти богатством своего природного наследия. Сбереечь эту удивительную природу — вот шанс выжить будущим поколениям...

Принц Филипп,
почётный президент Всемирного
фонда дикой природы

Будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. В настоящее время можно определённо утверждать: развитие социума нелинейно и гиперциклично, оно не подчинено действию каких-либо жёстких и однозначных — непреложных — закономерностей. Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут оказаться неожиданно разорванными завтра. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, “взрывы”. И тогда законы и механизмы причинности отключаются, — будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения. Первоначально незаметные события и факторы могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению траектории её движения. **И тем не менее, мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог общественной эволюции. Ибо не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий.**

Задача исследователей состоит в том, чтобы выявить в гуще ветвящихся дорог и потенциалов исторической эволюции те направления развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости, а также в том, чтобы противостоять тем силам и группам лиц в мире, которые в наше сложное переходное время под видом утверждения общечело-

веческих ценностей и реализации идеи “нового глобального порядка” стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения, направить их развитие в русло “уготованного им будущего”. Причём здесь важно иметь в виду одно обстоятельство: будущее в значительной степени станет таким, каким его увидим сегодня. В силу действия механизма “самоорганизующихся” и “самоосуществляющихся” пророчеств оно в немалой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что то, что люди узнают об ожидающем их будущем, воздействует на их дела здесь и теперь – в сегодняшней жизни. Именно явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем – это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. При этом согласимся, что будущее как иное, помимо всего прочего, выступает и как продукт политической деятельности. Невозможно отрицать тот факт, что отдельные лица или группа лиц, захватившие монопольную власть, способны повернуть жизнь общества как в конструктивном, так и деструктивном направлении.

Сегодня важнейшим вызовом, на который человечество должно ответить, является экологический кризис. В своей глубине и сущности экологический кризис представляет собой результат поражения и отступления естественного под напором искусственно сконструированной реальности, замещения органических, живых форм бытия, в том числе и человека как телесного существа, мёртвыми техническими (в широком смысле) системами.

Кто и как в современном мире может дать ответ на этот жёсткий вызов, осуществить прорыв к тому типу социальной реальности, который чаще всего определяют как экологобезопасное общество или духовно-экологическую цивилизацию?

Прорыв к духовно-экологической цивилизации может стать только результатом мощного творческого инновационного скачка, кардинальной ценностно-мировоззренческой революции, духовной реформации.

Способны ли на такой духовный прорыв все народы одновременно и сразу? Думается, что нет. Движение к духовно-экологической цивилизации не будет, как это принято думать, осуществляться всеми народами одновременно и в одинаковой степени. Это движение, несмотря на всю свою видимую транснациональность, будет носить неоднородный характер, иметь свои прорывные, инновационные точки (точки “возбуждения”), свой центр и свою периферию. Оно, по крайней мере, на начальных его стадиях, будет, вероятно всего, осуществляться теми народами, которые окажутся способны в силу своих внутренних потенций и особенностей социокультурного развития дать адекватный ответ на *вызов среды*.

Есть все основания полагать, что в формировании духовно-экологической цивилизации XXI века, новой картины мира и нового практического отношения к действительности важную роль наряду с некоторыми другими народами мира, в частности, с индийским народом, культура которого содержит мощные постпотребительские и постэкономические импульсы, могут сыграть и восточнославянские народы. Восточнославянским народам, как отмечают многие исследователи, присущ целый ряд специфических черт, вытекающих из их геополитического положения, уникальности исторического пути развития, своеобразия духовно-ментальных структур и архетипов сознания, которые в условиях нарастающего экологического кризиса могут послужить исходным пунктом в формировании новой модели социокультурного развития человечества.

Какими же стратегическими ресурсами обладают восточнославянские народы для реализации прорыва в эколого-безопасное общество, к духовно-экологической цивилизации?

Биосферный и ментальный потенциал восточнославянских народов

В научной литературе уже подмечено, что роль лидеров в духовно-экологическом прорыве будут играть те страны и регионы, которые обладают мощным биосферным потенциалом, этнокультурным разнообразием и духовными

ценностями, соответствующими задачам грядущей эпохи. “И здесь, – как подчеркивают российские исследователи А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шихин, – выясняется, что у России по совокупности этих параметров просто-напросто нет достойных конкурентов, а сама она – объективно не конкурент никому, поскольку необходимость её собственного возрождения не противоречит подлинным интересам ни одного народа Земли, а наоборот, полностью совпадает с общемировой задачей предотвращения духовной и экологической катастрофы” [1, с. 15, 16].

И в самом деле, если говорить непосредственно о России, то она, помимо всего прочего, имеет один из самых больших в мире экологических резервов (индекс антропогенной нагрузки для неё – 0,78) и самый крупный в мире массив девственной природы, стабилизирующий климат нашей планеты [2, с. 112]. До сегодняшнего дня она сохраняет уникальный биосферный потенциал. “Ненарушенные хозяйственной деятельностью площади составляют 700–800 млн га, 60% болот Северного полушария расположены на её территории, которые связывают основную массу углерода, поддерживая важнейший углеродный баланс в биосфере. Сибирские леса дают 40% мирового кислорода. У нас самые большие в мире запасы чистой пресной воды и качественной древесины. Фактически Россия – глобальный биосферный донор, огромная естественная фабрика по воспроизводству жизни на Земле” [1, с. 16, 17].

На территории России находятся до половины мировых (разведанных) запасов природного газа и пятая часть нефти. Для наглядной иллюстрации запасов природных богатств России можно предложить такую цифровую модель: если совокупность всех природных ресурсов, приходящихся в среднем на одного жителя планеты, принять за единицу, то на долю американца придётся 2 единицы, на долю европейца – 0,067, зато на долю одного россиянина придётся 11,7 единиц. Иными словами, каждый из нас по ресурсам примерно в 6 раз богаче американца и в 17 раз богаче европейца [3, с. 145].

Кроме того, у восточнославянских народов имелась уникальная возможность воочию убедиться в тупиковости техногенно-потребительских стратегий развития и по капиталистической, и по социалистической модели развития. Кстати, советский социализм потерпел поражение и потому, что избрал совершенно проигрышную стратегию соревнования с Западом в виде лозунгов “догнать и перегнать США” по уровню производительности труда и материального потребления. “Нельзя победить, играя по чужим правилам, а *перегнать можно и не догоняя*. Сегодня уже всем должно быть ясно, что, принимая навязанные нам Западом правила рыночной игры, мы обрекаем себя на экономическую смерть и духовное разложение” [1, с. 16].

Нельзя также забывать, что у России всё ещё есть мощный промышленный, технический, научно-интеллектуальный и духовный потенциал. Поэтому нет ничего странного в том, что Россия, обладающая уникальным синтезом крайних форм социально-культурных традиций Запада и Востока и богатым опытом ведущего участия в крупных событиях мировой истории, может и должна вместе с близкородственными ей народами возложить на себя новую историческую миссию: проложить человечеству путь в эколого-безопасное общество.

Но самый главный стратегический ресурс, каким обладают восточнославянские народы для утверждения духовно-экологической стратегии развития – это их уникальная духовность, специфика их сознания и менталитета.

Восточным славянам по-прежнему удаётся сохранять элементы органических представлений, которыми духовно жили люди многие тысячелетия. Таких, до конца не подавленных техноцентрической цивилизацией и всякого рода искусственными системами островков органической жизни в мире все меньше. Эти островки и дают нам возможность поиска альтернативы современной инструментально-потребительской цивилизации и надежду на спасение от *технологической смерти*.

Интересно, что самые известные российские историки и философы – Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев – писали о “культе природы” у восточных славян, о соответствии у них географии физической и географии душевной, о сильном влиянии природно-климатических факторов на формирование их национальных характеров. Весьма красноречивую иллюстрацию к этому мы обнаруживаем в “Законе градском” – документе древнерусского строительного законодательства. Этот документ требовал

“привязки” строительства не только отдельных домов, но и целых городов к окружающему их природному ландшафту – виду на луга, перелески, на море (озеро), реку [4, с. 14]. Следует иметь в виду, что, в отличие от Запада, где историческое развитие проходило под лозунгом покорения человеком природы, восточнославянские народы (если не считать советского периода их истории) всегда относились к природе как матушке-кормилице. Любовь к своей природе, с бескрайностью её полей и лесов, широтой рек и глубиной озёр, разнообразием климатических зон заложена генетически в восточнославянском менталитете.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что многие особенности восточнославянского цивилизационного “Я”, которые холодно-прагматическим европейцам представляются как проявления недоразвитости и отсталости, оказались поразительно созвучны духовно-экологическим ориентирам третьего тысячелетия. Они позволили славяно-русской культурной традиции, как это ни странно может показаться на первый взгляд, опередить своё время, выдвинуть целый ряд идей, адресованных постэкономической цивилизации XXI века. Это, прежде всего, идеи космизма, всечеловеческого единения, соборности, ненасилия.

“Говоря языком современной науки, – справедливо пишет И. Василенко, – православно-христианская идентичность формирует особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, феномен “очарованного странника” (Н. Лесков), взыскующего не материальных ценностей, не жизненного успеха, а правды, справедливости и смысла жизни” [5, с. 62].

“Очарованный странник” с его способностью жить социально значимой идеей противостоит “экономическому человеку”, идеал которого – “потребительское общество”, разрушающее все “высокие” культурные мотивации. Поэтому именно люди, взыскующие смысла, воодушевлённые идеей духовного преобразования мира окажутся способными решать глобальные проблемы современности.

Трудно найти в Европе народ, религия, смысложизненные ценности которого настолько сильно отличались бы от протестантско-западноевропейских, как русский народ. Даже в среде богатых русских промышленников и купцов легко можно было обнаружить настроения, свидетельствующие о том, что они как бы стыдились своего богатства и испытывали в связи с этим чувство неловкости. Неудивительно, что среди них было много меценатов, жертвующих большие суммы денег на различные благотворительные цели. Достаточно вспомнить Морозова, Третьяковых, Серебрякова, Щукина, Мамонтова, Рябушинских... Эти люди на практике доказали, что они неподвластны культуре денег, что деньги лишь средство, а не цель жизни. Русским, как и вообще восточным славянам, свойственно чувство, что владение имуществом порождает зависимость, привязанность внешнему, предметному миру, что в богатстве гибнет свобода. И если среди европейцев бедный всегда смотрит на богатого с завистью, то среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом, а бедный на богатого – с жалостью [6].

Здесь уместно будет подчеркнуть, что одним из важнейших факторов, оказывающим мощное влияние и на формирование ментальности, и на социально-политическое и экономическое развитие народов, является тип религии, который они выбирают.

Думается, вряд ли кто-либо сейчас будет всерьёз оспаривать точку зрения М. Вебера о фундаментальной роли религиозной Реформации в становлении капитализма, его мысль о том, что протестантское учение об избранности явилось психологической основой “духа капитализма”, стало духовным фундаментом формирования и развития капиталистического способа производства.

Влияние протестантизма на жизнедеятельность стран Западной Европы, прежде всего Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Нидерландов, огромно. Дело в том, что протестантская религия оказалась наиболее адекватной и приспособленной к частнокапиталистическому способу производства, к предпринимательской экономике, ориентированной на получении максимальной прибыли. В отличие от католицизма, для которого было характерно отношение к ростовщичеству и предпринимательству как чему-то греховному (этим отчасти объясняется тот факт, что в католических странах предприниматели и финансисты по преимуществу выдвигались из нехристианской среды, были инородцами, поскольку они могли не считаться с нормами морали

этих стран), протестантизм, напротив, всячески поощрял накопительство, культ денег, ростовщичество и частное предпринимательство. Поэтому неудивительно то, что своего наивысшего расцвета капитализм достиг именно в протестантских странах (Англия, Германия), тогда как Испания и Италия, где сохранялся католицизм, отходят в XVII–XVIII веках на задний план экономического развития, отстают от них.

На место морали правоверного католика, в соответствии с которой «никому не дозволено выдумывать, изобретать или применять что-то новое, но каждый должен следовать велениям гражданской и братской любви к своему ближнему» (так, с целью умерить конкуренцию и вражду между людьми, говорилось, например, в цеховой грамоте г. Торна от 1523 года), протестантизм выдвигает идею избранности: только тот человек вправе рассчитывать на милость Бога, который смог достичь жизненного успеха (как правило, в виде накопления большого количества богатства и денег). Накопленный капитал — это знак божественной избранности человека, сумевшего его накопить. Коротко говоря, протестантизм всячески поощрял культ денег, а достоинство человека измерял суммой накопленного капитала. «Протестантская Реформация и Научная революция произвели, благодаря их кооперативному эффекту, десаκραлизацию и дегуманизацию мира в мышлении человека Запада. Образ Космоса, в котором человек был связан невидимыми струнами с каждой частицей, разрушился. В мире, лишенном святости, стало возможным заменить многообразие, неповторимость качеств их количественной мерой, сделать несоизмеримые вещи соизмеримыми, заменить ценности их количественным суррогатом — ценой. Известны афоризмы: Запад — это цивилизация, «которая знает цену всего и не знает ценности ничего», «не может иметь святости то, что может иметь цену». Прежде человек благословлял «в поле каждую былинку и в небе каждую звезду», теперь он их оценивал. Это два различных мировоззрения» [7, с. 48].

Что касается Православия, то оно ещё в меньшей мере, чем католицизм, приспособлено к развитию типично капиталистического предпринимательства. Православная религиозность с её идеей равенства людей перед Богом и культом *нищелюбия* в принципе не совместима с основным постулатом протестантизма об индивидуальном спасении, с его установкой оценивать заслуги человека мерой накопленного богатства.

Сравним два мировоззрения, две картины мира: восточнохристианскую и западноевропейскую. Если говорить о восточнохристианской традиции в этом аспекте, то хорошо известен её «космоцентризм», отличный от социоцентризма европейской, в особенности протестантской, традиции, противопоставляющей человека природному миру. Западноевропейское же христианство, напротив, исходит из презумпции греховности материи, её предельно низкого статуса в системе бытия. Такое принижение означает омертвление природы, возникновение пафоса её преобразования и переустройства. Непонимание реальной сложности и одухотворенности материального мира ведёт к технократическому нигилизму и экологическому кризису. Восточнохристианское мировоззрение придаёт материи совершенно иной статус: она представляет собой светлое жизненное начало, в котором сокрыта необыкновенная глубина и гармония. Задача человека, как его видит православное христианство, заключается не в борьбе с материей, не в третировании её как греховного и низкого начала, влекущего человека ко злу, но просветление и творческое преображение природы, выведение её на качественно иной уровень. Задача личности заключается в том, чтобы в каждой вещи увидеть замысел Творца, «развеществовать» его и реализовать на практике. Тем самым вектор деятельности направлен не вниз — к редукции и тиражированию, но вверх — от земного, падшего бытия в горние высоты.

Православное христианство утверждает идею «нераздельности», но и «неслиянности» земного и божественного миров, их актуального присутствия в человеческой жизни. Идея синергии, т. е. органичного согласования разнородных начал, выработанная православной патристикой, на несколько веков опередила коэволюционные стратегии и прямо соответствует требованиям современной экологической науки.

В этом смысле весьма показательным является отношение к земле, сформированное в восточнославянской культурной традиции. Земля — это не только и не столько природный ресурс, используемый в хозяйственной и индиви-

дуальной жизни. С ней связываются самые сокровенные из национальных надежд и воспоминаний, она наделяется высочайшим ценностным значением, не сводимым к экономической прибыли и пользе.

В массе своей у восточного славянина отсутствуют те качества, которые позволили бы ему стать преуспевающим капиталистом. У него нет ни слишком большой любви к деньгам и материальному преуспеванию, ни развитой сноровки к обогащению. Он не собственник по натуре. Поэтому путь капитализма для него является самым тупиковым и бесперспективным. Общественная собственность, пожалуй, ближе ему. Бесплезно спорить, хорошо это или плохо, но так оно исторически сложилось.

Даже на Украине практические попытки осуществить капитализацию экономики обернулись чуть ли не полным разрушением накопленного промышленного потенциала. Это в значительной степени произошло потому, что украинскому народу, как и другим восточнославянским народам, присущ в целом тот же тип ментальности, сформировавшийся в силу их единой исторической судьбы и длительного совместного развития.

Говоря о прорыве к духовно-экологической цивилизации, необходимо также иметь в виду глубочайшие философские и научные прозрения восточнославянской культуры конца XIX – первой половины XX века, оказавшиеся, к сожалению, невостребованными практикой социалистического строительства в Советском Союзе.

Здесь, прежде всего, следует отметить, что важным принципом жизнестроения восточнославянской культуры является натурфилософский органицизм, удивительно созвучный экологическому императиву современности. Так, русская натурфилософская школа (В. В. Докучаев, А. Л. Чижевский, В. Н. Сукачев) выдвинула идею о всеобщей одушевленности мира, возродив гераклитов образ “живого огня”. Современная наука подтверждает эту гипотезу, указывая на способность Вселенной к самоорганизации и даже к целополаганию, что, несомненно, является свойством живого. Свой вклад в осмысление этой проблемы внесла и русская философия “серебряного века”. Вл. Соловьев, выделив три возможных типа отношения к природе – “страдательное подчинение ей”, отрицательно-деятельное отношение, выражающееся в активной борьбе с ней, и положительно-деятельное, для которого характерно утверждение её идеального состояния, – в последнем случае предвосхитил современный “постнеклассический” этап развития науки, важнейшей чертой которого является ценностное отношение к познаваемой действительности. Это значит, что наука сама должна подчиняться ценностному императиву: реализуемые ею практики должны быть соразмерными, сопричастными природе как ценности, сберегаемой человеком. Поэтому подлинным объектом науки являются не отдельные предметы и процессы, на которые можно нажимать как на рычаги, получая нужный результат, но “общая природа всех вещей, и если предмет истинного познания есть внешний, реальный мир, то не как простая совокупность вещей, а как природа вещей” [8, с. 613].

Размышляя далее о философских и научных достижениях восточнославянских народов, необходимо хотя бы кратко остановиться на философии русского космизма.

Русские философы, прежде всего философы-космисты, предвосхитили современную козволюционную парадигму науки – идею соразвития человека, социума, природы – и выдвинули свою социокультурную альтернативу западноевропейскому антропосоциоцентризму, отрывающему человека от природы, социум от космоса, западным принципам жизнеустройства, породившим эгоистически потребительское отношение к миру. Отстаивая идею мира как живого целого, они тем самым подготовили почву для утверждения в современной науке чрезвычайно перспективной гипотезы о самоорганизующемся космосе, выступающем не как мертвый механизм, а живой организм. В этом их непреходящая заслуга.

Похоже, что человечеству сегодня как раз необходим такой поворот в мировосприятии, идейной предтечей которого явился русский космизм. Пришло время рассматривать нашу планету не как “мастерскую”, а как единый одушевленный организм. Да и обществу нужно рассматривать не технократически – как “мегамашину”, управляемую из одного центра, а органическую целостность, произвольно-внешностные манипуляции с которой вредны и губительны

ны. Представляется, что только при таком подходе к миру можно нащупать новые горизонты бытия и утвердить новые принципы жизнестроения, обеспечивающие необходимые условия для выживания человечества.

Философия русского космизма обосновала чрезвычайно плодотворный принцип онтологического равенства космоса и человека. И в этом смысле она не разделяла в чистом виде ни традиций восточной культуры, в рамках которой ценность природы доминирует над ценностью человека, а человеческая активность сориентирована почти исключительно вовнутрь, на самовоспитание и самоограничение с целью адаптации к внешней действительности, ни традиций западной культуры, где ценность человеческой личности доминирует над ценностью природы, а человеческая активность направлена вовне, на преобразование окружающего мира. Философия русского космизма отвергла как мировоззренческие установки Востока на всеохватывающий коллективизм, так и установки западного сознания на эгоцентрический индивидуализм. «В ней, — как подчеркивает В. С. Степин, — была предпринята попытка проанализировать достаточно противоположные подходы и предложить идею корреляции двух различных векторов человеческой активности» [9, с. 12].

Русские философы отнюдь не отбрасывали западную культурную традицию, напротив, они всячески использовали её возможности, пытались органически включить европейские философские идеи в свое миропонимание, но при этом категорически настаивали на том, что инструментально-потребительское отношение к природе опасно, имеет свои пределы. Стремясь преодолеть крайности восточной и западной культуры (в частности, крайности коллективизма и индивидуализма), русские философы не отрицали значение различных форм человеческой активности, но при этом пророчески предостерегали от широко-масштабной эксплуатации природы, предсказывали катастрофические последствия такой практики. И это происходило в начале прошлого века, когда безраздельно господствовала вера в безграничные возможности научно-технического прогресса («религия прогресса») и когда опасность экологического и других глобальных кризисов почти не просматривалась. Трагедия истории заключается в том, что победившие большевики-марксисты грубо и бесцеремонно пресекли линию духовного развития человечества, представленную самобытной славяно-русской религиозно-философской мыслью, и вместе с тем установили жёсткие запреты на любые, даже самые незначительные попытки воссоздания духовной альтернативы техногенной цивилизации, её инструментально-потребительскому отношению к миру. Более того, сциентическо-технократический подход к окружающему миру большевики довели до логического конца, до абсурда (поворачивание рек, гигантомания, чисто технический подход к решению социальных проблем и т. д.). Сегодня «дело» подавления русского духа продолжают на новом витке истории биологические и идейные наследники большевиков — «демократы»-западники, бесконечно подражающие европейским и заокеанским образцам.

И, тем не менее, даже сейчас, в период небывалой униженности и подавленности, Россия по качеству фундаментальных разработок, по напряженности творческого поиска, по количеству людей, склонных к углубленной умственной работе, является несомненным мировым лидером духовно-синтетических исканий. «В отличие от Запада она не потеряла способность к порождению стратегических идей и воли к будущему. Важно лишь поверить в собственные силы, избавиться от комплекса национальной неполноценности и сделать решительную ставку на теоретические модели и технологии будущего» [1, с. 18].

России и родственным ей народам сегодня жизненно необходимо провозглашение русского цивилизационного проекта, практическая реализация которого позволит дать метафизический, экономический, политический и культурный ответ на целый ряд серьезнейших вызовов современности, создать новую реальность, новое могущество и, тем самым, осуществить новый поворот в своём историческом пути.

Определённую уверенность в таком развитии событий придает то, что ориентация на служение идеалу коренится в глубинных пластах русского национального характера. Известный философ XX века Л. Н. Карсавин, говоря о русском характере, писал: «Уже неоднократно отмечалось тяготение русского человека к абсолютному... Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем: усомнившись в идеале или в его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко

всему” [10, с. 322]. Вот этот “образец неслыханного скотоподобия” или “мифического равнодушия ко всему” мы сейчас наблюдаем среди значительной части населения России, которое, отказавшись от социалистического идеала, разуверилось во всём. Русский человек без служения великому идеалу теряет себя, испытывает сильный дискомфорт. Поэтому потребность в общезначимых идеях и интегрирующих идеалах быстро нарастает в российском обществе.

Кроме того, не следует забывать, что русский народ не только имеет склонность к выдвижению новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, способностью в критические моменты истории, когда встаёт вопрос о судьбах страны, к максимальной мобилизации всех национальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей. Последний выброс такой энергии продолжался с 1917 года до середины 50-х годов [11, с. 43]. Наверное, не случайно мировая история постоянно отрабатывает свои загадочные маршруты на “теле и плоти” России, время от времени превращая её в гигантскую экспериментальную лабораторию человечества. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить свой очередной выброс энергии и продемонстрировать миру беспрецедентный эксперимент: прорыв к духовно-экологической цивилизации. Россия, даже будучи униженной, остается могучей, будучи разграбленной, остается богатой. При этом, похоже, глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания сохраняют в России свою силу, хотя намеренно и извращаются определёнными политическими силами и средствами массовой информации.

Вообще выживаемость русского народа, заселившего и ассимилировавшего огромные (по преимуществу северные) территории и создавшего самую крупную державу мира, не только поражает, но и вселяет в душу большие надежды на то, что её уникальное “духовно-цивилизационное Я” сможет адекватно выразить себя на пути движения к духовно-экологической цивилизации третьего тысячелетия.

Развитие по закону “отрицания отрицания”: восстановление традиции

Н. Е. Покровский, справедливо отмечает: “Русская культура, в том числе и культура межличностных отношений, сильнее западной сориентирована на “интимность”, задушевность, жертвенность и т. д. Это обстоятельство можно расценивать как свидетельство традиционности, даже определённой архаичности современной русской культуры, пребывающей в контексте первоначально индустриального общества. Правомерной, однако, могла бы быть и противоположная точка зрения, трактующая подобное качество российского общества как его ценное историческое достояние, сознательный отказ от которого был бы равносильным национально-культурному самоуничтожению” [12, с. 16].

И действительно, в контексте осмысления всех этих фундаментальной важности проблем совершенно в новом ракурсе встаёт вопрос о достижениях, опыте и специфике развития традиционных обществ, так бесцеремонно (беспардонно) отвергнутых техноцентрической цивилизацией, в частности крестьянской космоцентрической культуры, господствовавшей повсеместно в течение длительного ряда тысячелетий, но при этом существенно не нарушающей природное равновесие.

Мы убеждены, что утверждение духовно-экологической цивилизации, ориентированной на коэволюцию природы и человека, духовно-нравственные основания общественного развития, невозможно без некоторого рода “архаической экспансии” (термин А. Казинцева [13, с. 249]), выхода на историческую арену древнейших основ человеческого бытия, в том числе возрождения (само собой понятно, наполненных новым содержанием) многих существенных элементов крестьянской космобиосфероцентрической культуры.

Дело в том, что будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних норм и традиций. Может случиться так, что культурные достижения и опыт предшествующих поколений, сегодня признанные “несовременными”, как раз и окажутся в числе наиболее перспективных на новом витке исторического развития. Неспособность испытывать уважение к достижениям традиционных цивилизаций – опасная болезнь современности, особенно если учесть то, что сама эта “современность” оказалась в бесчеловечном тупике.

Прав российский исследователь А. С. Панарин, когда утверждает, что постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону “отрицания отрицания”, ознаменуется парадоксом “возвращения” к некоторым “исконным”, традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, открывающие долговременную перспективу для всех, а не одних только потребительских обществ Запада, что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей [14, с. 224].

Архаизацию нельзя отметить как нечто отсталое, стародавнее, деревенское, глухое, пахнущее нафталином, как нечто изначально имманентное консервативной традиции, как отступление от прогресса, от новейших достижений современной цивилизации. Архаизация выполняет в развитии общества важнейшие функции и, прежде всего, играет особую роль в стабилизации человеческой жизни. Она выступает как необходимая и полезная реакция на дисгармонические изменения, на сбой в цивилизации модерна, на навязываемые извне внешние и чуждые глубинным традициям народа проекты переустройства общества, на механический перенос на национальную почву символов чужой культуры, способных подорвать и разрушить национальную идентичность. Её причинами могут стать кардинальные реформы, инициируемые элитой, “дезертировавшей” от своего народа, или даже просто “пятой колонной” с целью модернизации общества, никоим образом не согласующейся с особенностями традиций реформируемого социума. В этом, прежде всего, её позитивное значение.

Элементы “архаического” имеют место на всех этапах социального развития, выступают универсальными константами “собственно человеческого”, они никогда не становятся совсем “прошлым”. Зачастую архаизация выступает как спонтанная приспособительная реакция на невыносимые условия жизни, сложившиеся или навязываемые силой обществу. Разрушение традиций, органично сложившихся на протяжении столетий, апробированных жизнью целого народа, приводит общество к системному кризису, социальной анархии и соответственно – к дезориентации, дезорганизации широких слоев населения страны.

При этом надо иметь в виду, что традиция вовсе не лишена творческой (инновационной) стороны. Традиция – это единственный способ совместить индивидуальную судьбу активной и самостоятельной личности с коллективной самоорганизацией воле в рамках общего проекта. Через традицию, т. е. через сохранение обществом своей качественной определённости обеспечивается его “врастание в будущее”. В традиции содержатся в двуединстве креативная и консервативная составляющие. Первая связана с потенцией традиции к экспансии, к развитию. Вторая обеспечивает сохранение цивилизационной идентичности, устойчивости и безопасности общества и государства, являясь важнейшим регулятором жизни во всех областях. Стало быть, традиция обеспечивает устойчивость социума, а инновация – его развитие. “Традиция – хорошее мерило для того, чтобы проверить, насколько инновация разумна и полноценна” [15, с. 51]. Поэтому традиция одинаково полезна и необходима во всех устойчивых обществах – и традиционных, и современных, различными бывают лишь механизмы её действия.

Однако не всякая инновация может “врасти” в традицию. Инновация, которая навязывается извне, неизбежно вызовет сопротивление и фрустрацию, нанесёт народу тяжелую культурную травму. Неудивительно поэтому, что в истории России инновации, оторванные от традиции, зачастую принимали уродливый вид, вели к разбалансировке процессов жизнедеятельности народа. Только те модели и проекты, которые опираются на архетипические символы и активизируют генотип народа, могут способствовать выживанию народа и укреплению его государственности [15, с. 51]. Возвращение в повседневную действительность вечных истин бытия и, вместе с тем, динамическое, творческое развитие традиций могут обеспечить необходимую в жизни общества стабильность и устойчивость. Например, без возвращения истинного смысла труда, без возвращения традиционной духовности нельзя в России оживить слаженную хозяйственную жизнь, гуманизировать экономику и уж, конечно, невозможно свершить прорыв в экологически безопасное общество.

Сегодня мы стали свидетелями весьма парадоксального явления: народы, которые особенно настойчиво и последовательно оберегают свои традиции, свои, казалось бы, архаические начала, являются самыми успешными в модернизационных процессах. Прежде всего, это народы Юго-Восточной Азии, где успешная модернизация происходит на фоне сохранения культурных традиций и поэтому не влияет разрушительно на культурное пространство. Можно взять и другой пример – старообрядческие общины в Бразилии. Проживая достаточно замкнуто в самом сердце Бразилии, эти русские люди сохранили свой многовековой патриархальный уклад жизни. Строго следуя религиозным, культурным и семейным традициям, своей трудовой этике, на труднодоступных и почти непригодных для возделывания землях они смогли создать настоящий сельскохозяйственный оазис. Это экономическое процветание связано с тем, что на фоне здоровых социальных и семейных отношений, укорененных в религиозной традиции, в своей трудовой деятельности общинники используют самые современные технологии. В результате среднемесячный доход в общине на одного человека в пять раз выше, чем в среднем по стране.

Заново заставляет поставить вопрос о прогрессе и архаике такой пример, как возрождение в современном мире крестьянских рынков, биоферм и т. д., продиктованное экологическими соображениями. Феномен производства “био” (без удобрения и химических добавок), а также явления типа уже достаточно массового городского исхода (перемещение из городов в деревни) явно свидетельствуют в пользу архаики.

Усиление внимания в конце XX – начале XXI века к такому таинственному феномену* традиционного общества, как крестьянство, на первый взгляд, может показаться несовременным и неактуальным. Но это неоспоримый факт. Он вызван к жизни насущными общественными потребностями, связанными с решением животрепещущих проблем глобального характера. Сегодняшние проблемы человеческого бытия заставили нас по-новому взглянуть на те принципы сосуществования и взаимодействия человека и природы, которые в течение тысячелетий вырабатывались земледельцами, крестьянами. Их творческое освоение и активное использование в современном природопользовании и социальной практике становится насущной задачей нашего времени. [13, с. 253]

Растущий интерес к проблеме крестьянства выразился даже в формировании такого крупного научного, междисциплинарно ориентированного направления, как “крестьянствование” (Р. Родфилд, Т. Шанин, Дж. Скотт и др.). Произошло заметное расширение проблематики, обнаружилось принципиально новые подходы к крестьянству. Наглядным свидетельством тому явились наметившаяся тенденция выхода за рамки узкоэкономического и социально-политического подходов к анализу сельской жизни, обращение к духовной жизни крестьянства, рассматриваемого как целостное общественное явление.

Таким образом, рассмотрение вопроса об историческом опыте и достижениях космоцентрической деревенской культуры, её роли в становлении духовно-экологической цивилизации будущего становится сегодня чрезвычайно актуальным.

Могут возразить: а есть ли вообще смысл в наш век интенсивного разрастания техносферы, ее почти ничем не сдерживаемой экспансии во все углы земного мира говорить о возрождении и развитии космоцентрической культуры?

Думается, что есть и смысл, и основание говорить об этом. Дело в том, что современный человек, отбрасывая под напором городской техноцентрической цивилизации с её безграничной специализацией земледельческий универсализм, незаметно для самого себя теряет нечто очень значительное, возможно, самое важное в своей человеческой сущности. Ту разносторонность не только физического, но и умственного (не интеллектуального, а именно умственного) развития, которую получал здоровый крестьянин, не

* По мнению многих исследователей, крестьянство продолжает оставаться одним из наименее понятых в современном мире феноменов: “Крестьяне живут в своем особом мире, к сожалению, нами до сих пор не познанным и не понятом”. Не случайно сегодня таинственность феномена крестьянства фиксируется даже в названиях различного рода книг и публикаций: “Великий незнакомец...”, “Мир таинственный...” и т. п. [16, с. 6; 17].

даёт, как ни странно это может показаться на первый взгляд, ни один вид современного труда. Но ведь односторонность, “частичность”, как это показано во множестве современных исследований, ведут к деградации человека, к бесконечному его измельчанию и упрощению. Труд же крестьянина изначально полифункционален, чрезвычайно богат по своему внутреннему содержанию, сложен и пронизан эстетическим началом. Настоящий крестьянин – это и метеоролог, и строитель, и зоолог, и ботаник, и медик, и художник. Традиционный (не теперешний специализированный колхозник или фермер) крестьянин – всесторонне развитый человек. Если сознание наёмного фабричного рабочего было техносоциотричным (он, находясь в постоянном контакте с бездушной машиной, зависит от неё, поневоле осознаёт себя винтиком сложного общества), то сознание крестьянина было в полном смысле космоцентрично: он видел себя частью органического и вечного природно-социального космоса, частью целого и, исходя из этого, оценивал своё место в мире, свою ответственность и свое отношение к “большому обществу”, которое он воспринимал через оптику земледельческого труда как внешнюю оболочку. При этом крестьянству как особому классу была чужда всякая искусственная “переделка” окружающей природы и общественной среды, форсированное преобразовательство, резко порывающее с вековыми традициями. Да и сам характер земледельческого труда в высшей степени предполагает необходимость стабильности и основательности.

Сегодня, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается, что прежние человеческие способности, приобретённые крестьянином в истории, настоятельно необходимы для органичности развития и современного человека. Отнюдь не исключено, что прежний универсализм человека, фонд человеческих способностей во всей его полноте ещё пригодится нам как нечто ценное и подлинно человеческое достояние, когда мы меньше всего будем об этом догадываться. Не будем забывать и того, что самые могучие и устойчивые социальные общности и локальные цивилизации создали народы-земледельцы, самые оригинальные духовные ценности порождены именно такими народами, а не народами-торговцами и ростовщиками. Может, рано ещё сдавать в музей все достижения традиционной земледельческой жизни и культуры? Может, они нам в будущем пригодятся?

В экологическом плане перспективно то, что сельскохозяйственная деятельность людей, осуществляющаяся в “согласии с природой”, в противовес технократизму механической экономики может способствовать возрождению местной, жизненной экономики, стать одним из плацдармов для начинающегося контрнаступления космоцентрической модели развития на техногенную цивилизацию, что на деле будет означать смену парадигмы развития, смену ценностей. Такого рода представления – это отнюдь не очередная утопия, а императив выживания. Все ещё сохраняющееся крестьянство является в этом смысле ценностью высшего порядка. Крестьянство как наиболее близкая к космосу часть человечества пока ещё сохраняет органичность, ещё не до конца растеряла способность вести органическое хозяйство. Самое важное здесь то, что утверждение, упрочнение и развитие крестьянской культуры представляет собой наиболее адекватный ответ на жёсткие экологические вызовы современности. Поэтому нам предстоит восстановить те формы отношения человека с Природой, Космосом, которые на протяжении тысячелетий культивировала крестьянская цивилизация. Коренные качества крестьянской цивилизации дают шанс выживания человечества в экологически осложнённых условиях жизни на Земле.

Представляется вероятным, что именно достижения традиционной земледельческой культуры, соединяясь с современной хозяйственной деятельностью, могут внести свой вклад в грандиозное дело налаживания отношений современной техники с природой, космосом, человеком. В действительности, о чём свидетельствует пример Китая и Индии, традиционное сельское хозяйство не является препятствием на пути модернизации и развития высоких технологий, но, напротив, заключает в себе существеннейшие предпосылки для развития их органичных вариантов.

Все сказанное означает, что сегодня для того, чтобы найти выход из заколдованного круга экологических проблем, человечеству необходимо реабилитировать стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентрических традиций мировой культуры.

Сейчас в научной литературе предлагается немало моделей и проектов преодоления экологического кризиса. Одни из них представляют собой интерес, глубоко аргументированы и обоснованы, другие являются по сути дела человеконенавистнические проекты всеобщего технического перевос-создания окружающей природы и самого человека, превращение его в некое подобие робокомпьютерного устройства.

Так, например, российский исследователь Н. Косолапов пишет: “По-видимому, разрешение экологических проблем мира XXI века надо искать не на путях возврата – к чему? К социально-природным отношениям XIX, XV или какого-то иного столетия? По каким критериям? – к некоей модели “идеальных” отношений между человеком и природой, реально никогда не существовавшей. Перемены в этих отношениях уже необратимы. И выход надо искать в дальнейшем осознанном, целенаправленном и управляемом движении от сохраняющихся остатков “естественности” к созданию целиком и полностью искусственной среды обитания человека. Только в ней станет возможно достижение устойчивого развития как постоянства развития духа – психики, опыта, знаний, культуры – в высокостабилизированной, защищённой от кризисов материальной среды” [18, с. 68]. Некоторые современные люди верят в прогресс столь фанатично, как их далёкие предки верили в Бога. Интересно, а почему бы не подумать автору о том, что воспеваемый им кардинальный скачок в развитии техносферы лежит за пределами не только собственно социальной истории, но и истории человека как биологического вида. Верно ставит вопрос российский исследователь И. В. Ефимчук: “Как бы критичны (и вполне заслуженно) ни относились к социальной организации аграрных цивилизаций современные либералы, безусловно одно – такая организация позволяла людям жить (но при гораздо меньшей плотности населения). Даст ли такую возможность человеку та новая техническая организация разумного бытия, поиск которой активно ведётся по всем направлениям (техническим, социальным, естественно-научным)?” [19, с. 152].

И тем не менее, в этом непрекращающемся столкновении идей передовые исследователи всё же нащупывают ростки новой науки о хозяйственной жизни общества, обосновывают свои представления об экономике биофизической, экономике ноосферной, биоэкономике, метаэкономике, иначе говоря, о биосферной экономике в самом широком смысле этого слова. Хотя термины есть разные, но основание у них общее: коэволюция биосферы, социосферы и техносферы. основополагающие принципы этой коэволюции заложены в культурных матрицах традиционных обществ. Человечество, если оно хочет выжить, должно создать образ жизни в единстве с космосом, а не в противостоянии ему. Поэтому, судя по всему, будущее человечества в значительной, если не решающей степени зависит от способности людей восстановить тот строй жизни, в котором крестьянство играло существенно значимую роль, где город не будет подавлять деревню, а будет сотовариществовать с ней. Справедливо в этой связи пишет И. Р. Шафаревич: “И та катастрофа, в которую технологическая цивилизация ввергла человечество, а сейчас в особенности нашу несчастную Россию, вероятно, тоже послана нам как урок. Каждый новый виток кризиса делает яснее его причины, любой человек уже на своей судьбе ощущает грозящий финал. Перед лицом разверстой у наших ног пропасти нам не остается иного выхода, как обратиться к древним надежным ориентирам, пользуясь которыми человечество прожило сотни тысяч лет, сохранив физическое и духовное здоровье” [20, с. 412]. Поэтому выход на новом витке исторической спирали на космоцентрический путь развития неизбежен. Этого требуют и надвигающиеся экологическая катастрофа, и нарастающие социальные противоречия.

Прав был Н. А. Бердяев, когда ещё в 1922 году сказал: “Чтобы дальше жить, обанкротившимся народам придётся, может быть, вступить на иной путь, путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, то есть отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение её роли, подчинение её человеческому духу. Придётся по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремёслам. **Город должен приблизиться к деревне** (курсив наш. – Ч. К.). Придётся организовываться в хозяйственные союзы и корпорации... придётся перейти к более упрощенной и эле-

ментарной материальной культуре и более сложной духовной культуре... Грандиозное предприятие Новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось" [21, с. 19–20].

Следует заметить, что сегодня массовое производство продуктов питания для обеспечения населения крупных городов оказывается, как, впрочем, и вся продукция массовой культуры, лишь эрзацем, утоляющим физический голод, но не дающим действительного здоровья. Поэтому представители богатых слоёв городского населения стремятся заполучить для себя продукты питания, произведённые не массово-индустриальным способом, а как в самые "архаические" времена – индивидуально-крестьянским сельскохозяйственным трудом. Если немного ранее мировое производство всякого рода эрзацев, то добавляемых в натуральные продукты, а то и вовсе их подменяющих, обосновывалось превосходством искусственного над естественным, то теперь оно всё более приобретает вид подпольной технической активности, вполне осознающей свою неполноценность, но пытающейся скрыть её от массового потребителя. Одним из проявлений таких метаморфоз является сегодня активное поощрение в развитых странах элитарного органического и биодинамического земледелия как нового направления в сельскохозяйственном производстве. Возникновение органического и биодинамического земледелия стало проявлением реакции техногенной, рыночной цивилизации на ею же порождённый кризис в развитии общества. Продукция такого рода выращивается и перерабатывается без использования генной инженерии, синтетических или искусственных удобрений, пестицидов, гербицидов, противогрибковых препаратов, окуливания, регуляторов роста, антибиотиков, консервантов, красителей, каких-либо добавок, химического покрытия и т. п. [22, с. 24].

Биодинамическое и органическое земледелие – это не откат назад, в прошлое, а своего рода синтез старого и нового, содержащий в себе немалый элемент ультравысокой, пожалуй, даже виртуозной технологии сельскохозяйственного производства. Не исключено, что при условии кардинального изменения социального контекста такого рода земледелие могло бы явиться переходом к новому качеству, к новым технологиям будущего сельскохозяйственного производства, вбирающего в себя все достижения традиционной крестьянской культуры. Но пока, к сожалению, органическое земледелие во всех его разновидностях, включая биодинамическую, не является подлинной альтернативой предельно химизированному, пагубно сказывающемуся на экосистемах и наносящему непоправимый ущерб природе и здоровью человека, массово-индустриальному сельскохозяйственному производству, а становится лишь элитарным источником высококачественного продовольствия для богатых.

Однако остается нерешенным главный вопрос: какой же тип хозяйствования в полной мере соответствующий природно-климатическим (географическим) условиям, историческим традициям, менталитету и архетипическим структурам сознания восточнославянских народов мог бы стать экономической основой их движения к духовно-экологической цивилизации, её становления и развития? Как в наш пока ещё техноцентрический век должна быть организована хозяйственная жизнь восточнославянских стран, как должны быть очерчены её основные (разумеется, лишь в предположительной форме) контуры?

Экологизация хозяйственной жизни

В самом общем виде можно утверждать следующее. Если человечество действительно стремится избежать экокатастрофы, то оно должно выработать новую парадигму прогресса, основанную на самоограничении, изменении производства в сторону уменьшения его роста, постепенном переходе от технически деструктивных технологий, предполагающих разрушение или истребление природных образований в процессе создания материальных благ, к биологически конструктивным технологиям, направленным на приручение и совершенствование природных образований с целью получения необходимых человеку продуктов. Иначе говоря, в производственно-технической сфере необходимо перейти к биоцентричному производству, безотходным и природовосстановительным технологиям. При этом надо учесть, что сегодня становятся необходимыми и неизбежными определённые ограничения некоторых

видов человеческой деятельности, потенциально содержащих в себе опасность катастрофических последствий.

Сельское хозяйство. К настоящему времени техника – деструктивный способ взаимодействия человека и природы – абсолютно доминирует в производстве сельскохозяйственных продуктов. Если окинуть взглядом последние 300 лет истории техноцентрической цивилизации, то мы увидим все ускоряющийся процесс уничтожения природной среды и замены её искусственной средой, техникой в широком смысле этого слова. Пожалуй, самым ярким показателем, измеряющим этот процесс, является скорость уничтожения деревни городом в странах, вступивших на путь развития техногенной цивилизации, а также масштабная экспансия технически-деструктивного отношения к природе на остальную часть планеты, где веками господствовал традиционный образ жизни. Результат этого хорошо известен: разрушение фундаментальных основ человеческого бытия, опасность разного рода глобальных катастроф (экологической, антропологической, демографической). Всё это, в свою очередь, обуславливает настоятельную необходимость восстановления, обогащения и наполнения новым содержанием биологически-конструктивной технологии, всемерного её развития.

Если учесть, что сельскохозяйственное производство с самого начала своего возникновения и по сегодняшний день является производством безотходным (исключая гербицидное и подобное ему загрязнение природы), а также катастрофический рост отходов промышленного производства, загрязняющих среду обитания и угрожающих всему живому на земле, и неизбежную исчерпаемость природных энергетических и сырьевых ресурсов, то станет понятной перспективность и экологическая надежность способа взаимодействия человека с окружающей природой, который продемонстрировало миру сельское хозяйство как специфическая форма или модель биотехнологического воспроизводства к жизни.

В сельскохозяйственном производстве человек сотовариществует, сотрудничает с природой, творит вместе с ней. Благодаря своей синтетичности и органичности это производство практически полностью вписывается в природные процессы и циклы: никаких отходов – всё идёт в дело. Тем самым обеспечивается экологическая устойчивость и полнота круговорота веществ. В экологическом отношении этот вид древнейшей человеческой деятельности безупречен. Такая форма человеческой активности не размыкает и не ломает естественные циклы природы.

Одно из основных направлений инновационного скачка в постиндустриальное общество в его незападном постпотребительском, постэкономическом варианте – критика “цивилизации заменителей”, культ натуральных продуктов и естественных образцов. Учитывая богатства своих природных ресурсов и используя огромные пространства евразийского континента (где для земледелия, где для скотоводства, в зависимости от географических условий) сельское хозяйство восточнославянских стран могло бы предложить миру то, в чём он больше всего нуждается, – абсолютно экологически чистый продукт. В этом реванше естественного над искусственным восточнославянские народы могли бы обрести свои выходы на рынки богатых стран – потребителей натуральных продуктов и в целом на создание альтернативного проекта постиндустриального будущего.

Крестьянский дух, крестьянская психология восточного славянина отторгают культ имущественного неравенства [23, с. 30]. Это важнейшая сторона восточнославянского менталитета, которую нельзя не учитывать разного рода программам реформирования сельского хозяйства.

Сказанное имеет прямое отношение к концепции сельскохозяйственной кооперации, предложенной в свое время А. В. Чаяновым. Думается, что эта концепция, отброшенная в 20-х годах большевистским правительством, может стать сегодня теоретической основой органичного способа организации (самоорганизации) аграрного сектора.

Теория сельскохозяйственной кооперации А. В. Чаянова возникла не на голой почве. Тут, в первую очередь, сказались и традиции общинного хозяйствования, артельное-кооперативного труда, широко распространенные у восточных славян. Большевистская историография (как и нынешняя “демократическая”) замалчивает факт колоссального успеха кооперативного движения в России в начале XX века, *перед* революцией, во времена гражданской вой-

ны и нэпа. Кто теперь помнит о том, что в Сибири в начале XX века “кооперативные хозяйства почти полностью вытеснили капиталистические фермы из сферы производства и переработки сельскохозяйственных продуктов – основного вида промышленности Сибири тех лет. Тамошние кооперативные объединения сумели обзавестись даже собственными пароходами, чтобы без посредников доставлять свою продукцию в Западную Европу. И добились <этого> кооперативы... с помощью созданной ими широкой сети кредитных товариществ, по числу которых Россия к 1913 году вышла на первое место в мире. С помощью этих товариществ учреждавшие их кооперативы избавились от грабежа со стороны коммерческих банков” [24, с. 10].

В начале XX века именно Россия стала одним из пионеров сельскохозяйственной кооперации – и наиболее продвинутой в этом отношении страной. Быстро распространяющаяся кооперация как форма добровольного сотрудничества на разных стадиях сельскохозяйственного производства стала защитной реакцией общинной организованной деревни на развитие капитализма и усиление рыночных отношений. Таким путём община противостояла экспансии рыночных форм хозяйствования. Обнаружив удивительную способность сочетаться с кооперацией, традиционная российская община стала своеобразно эволюционировать в сторону крупных хозяйств. За неполные 20 лет – с начала столетия до Октябрьской революции – число кооперативов увеличилось в 30 раз и достигло 47 тысяч. Они объединяли 14 миллионов семей – 84 миллиона человек, более половины населения страны [13, с. 253].

Смысл кооперации заключается в том, чтобы, не ломая мелкого хозяйства, наделить его преимуществами крупного, снять их извечное противоречие. Она соединяла десятки тысяч производителей, позволяя им выступать в конкуренции и с латифундиями, и с разного рода посредниками. Причём для этого не требовалось ни создания дорогостоящих производственных мощностей, ни разрушения семейного эколого-безопасного хозяйства, традиционного строя жизни (да и смысла жизни) миллионов людей [13, с. 254].

Во время Первой мировой, а затем и гражданской войны кооперированные мелкие хозяйства продемонстрировали необычайную жизнеспособность и устойчивость. Неслучайно А. В. Чаянов по значению сравнил кооперацию с промышленным переворотом, на столетия определившим судьбы Европы и всего мира [25].

“Когда знакомишься с системой, разработанной Чаяновым, – пишет А. Казинцев, – первое, что поражает, – её человечность. Это не мертвая экономика: сцепление предельно обезличенных процессов и схем. Она пронизана живыми человеческими связями, ожиданиями, трудовыми усилиями, волей миллионов людей, объединённых общей деловой заинтересованностью и чем-то большим – духом человеческого сотрудничества. Эта система – явление уже не одного экономического – цивилизационного порядка. *Русская экономика* – не только потому, что учитывала, прежде всего, особенности отечественного сельского хозяйства, но и потому, что выразила и гениально воплотила в *экономической* конкретике *духовную* тягу русского человека к сотрудничеству, *соборности*, которая объединяет людей, не лишая их индивидуального начала, дела, интереса (в этом прямое значение слова “соборность”: каждый лично предстоит перед Богом, но и соединён со всеми в молитве, обращённой к Нему)” [13, с. 254, 255].

В самой краткой формуле сельскохозяйственную программу Чаянова и близких ему по духу мыслителей можно определить как программу органичного сочетания личностного и общинного – сочетание, которое определяло все ценное и позитивное в аграрной истории России.

После победы большевистской революции А. В. Чаянов предложил свой план кооперативной – в отличие от административной – коллективизации сельского хозяйства. Кооперативный план коллективизации А. В. Чаянова опирался на традиционные начала народной жизни, на самый дух народа, его представления о справедливом обществе, где “никто не зазрит и не обидит”.

Кооперативный проект Чаянова был отвергнут большевистскими вождями. Это и неудивительно. Технократически ориентированная командно-бюрократическая система, утвердившаяся тогда в Советском Союзе, не могла действовать иначе. В сущности, в попытках командно-бюрократической системы навязать естественно-историческому развитию общества искусственно-рациональный проект, “строить” светлое будущее на основе изначально детали-

зированного плана, подобно тому как это происходит при строительстве домов, заводов и фабрик, проявился характерный для многих утопий своеобразный инженерный, технократический подход к общественной жизни, ставивший, по сути дела, знак равенства между социальными и производственными процессами. Согласно такому подходу общество – это некий “механизм” (машина), а отдельный человек – “винтик”, который сам по себе не имеет никакой ценности и поэтому в любой момент может быть заменен другим таким же “винтиком”.

Сторонники технократической идеологии вдохновлялись идеей “организации” природы и общества по принципу гигантской, идеально отлаженной машины (Мегамашины), управляемой с помощью системы из одного центра. Они противопоставляли всему органическому, традиционному искусственно созданное, техническое (не случайно крестьянская культура и быт вызывали у них всеобщую неприязнь и озлобление). Их основной движущей силой была утопическая вера в возможность построения на расчищенном от всяких наслоений “проклятого прошлого” месте “правильного” “симметричного”, подобно часовому механизму отрегулированного общества. Идеей тотальной технической реконструкции не только вдохновлялся преобразовательный энтузиазм, направленный на пересоздание окружающей среды – от архитектурных сооружений до строительства грандиозных каналов, – но и, в немалой степени, обосновывалась коренная, связанная с насилием громадного масштаба “ломка” социальной структуры (“переворачивание мира”). При этом следует подчеркнуть, что технократической ориентации были привержены не только многие представители новоявленного аппарата управления, претендовавшие на роль “подлинных носителей” социалистических ценностей и идеалов, но и многочисленные деятели литературы и искусства, авангардисты, воспевавшие образ “общества-машины” (А. М. Горький, например, испытывавшая презрение ко всему крестьянскому, мечтал о том, чтобы научиться выращивать хлеб в лабораториях).

Таким образом, произошло столкновение, *сшибка* двух несовместимых мировоззрений и жизненных установок: космоцентрической деревенской культуры и техноцентрической идеологии, крайне радикальными носителями которой были в России большевики-западники (марксисты). В результате этой *сшибки* космоцентрическая деревенская культура была уничтожена.

Однако отвергнутые на Родине идеи Чаянова успешно стали применяться в других странах, в частности, в Индии и Китае, где они, будучи соединенными с учениями местных экономистов и соответственно трансформировавшись, способствовали подъему сельского хозяйства. Речь, прежде всего, здесь идет об идеях, ставших базовыми для народного хозяйства Индии и Китая. Это, в первую очередь, идеи многоуровневой экономики, гибких хозяйственных связей индивидуальных крестьянских хозяйств, объединяющих их в кооперативы разного уровня и профиля.

Похуже, что процессы, происходящие сейчас в Индии и Китае – великих крестьянских державах, овладевших индустриальной мощью (но сохранивших национальные основы жизни), – говорят о том, что наступающее столетие станет возрождением крестьянских цивилизаций. В этом нас убеждают не только количественные показатели экономик двух восточных гигантов (а именно на количественных показателях основываются прогнозы). Куда важнее их качественные характеристики. Они-то и убеждают в том, что достижения крестьянских цивилизаций Китая и Индии будут прочными, мало зависящими от колебаний мировой конъюнктуры. Возможно, сбудется главное пророчество Чаянова о том, что крестьянские цивилизации определяют характер будущего общества [13, с. 257].

Сегодня, таким образом, мы должны совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую цивилизацию и её связь с экологическим постэкономическим укладом жизни. Крестьянская цивилизация – это, прежде всего, народное производство, представленное крестьянским трудовым коллективом. Для восточнославянских стран крестьянская цивилизация – это “не подражательный” путь развития, о котором писали многие российские экономисты, начиная с 80-х годов XIX столетия. Здесь нельзя не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д. И. Менделеева о судьбе России, об обустройстве её жизни: “Артель – кооперативный способ борьбы со злом капитализма, – со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем

и весьма возможным для приложения во многих случаях в России именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям, и к общинному хозяйству” [26, с. 74–75].

Интересно в этом плане то, что русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде “трудового коллектива”. Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил “русское чудо” – необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию Советского Союза.

Можно также заметить, что на основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в построении кооперативов, объединяющих малые предприятия юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники. Общинный, артельный коллективизм соответствует российской цивилизации. Уже в силу этого нам надо не ломать сложившиеся традиции, не насиловать менталитет народа, внедряя во всем и во что бы то ни стало принципы индивидуализма согласно западным образцам, а поступить, подобно странам АТР, в соответствии со своими традициями, соединяя по мере необходимости коллективизм с высокими экологическими технологиями.

Интересную мысль в этом плане высказала Н. Н. Зарубина. Она пишет: “...Это вовсе не означает отрицания “современности”: космоцентрическая парадигма культуры присуща и явившей миру “экономическое чудо” Японии, и интенсивно развивающемуся Китаю. Предпосылкой этих “чудес” является как раз принятие той безусловной истины, что ориентация на труд как неотъемлемую часть бытия продуктивнее, чем простое материальное стимулирование. Восток сегодня дает миру образ “другой современности”, насыщая отрицание западного “модерна” не иррациональностью, демобилизацией и нравственным релятивизмом, а иными смыслами. Альтернативная парадигма постмодерна делает акцент на решении глобальных проблем и проблем каждого отдельного региона, каждой страны, каждого человека через принятие целостности социального и природного космоса, в котором каждый занимает своё место и выполняет своё жизненное предназначение. Именно в такой духовной среде архетипический “пахарь” обретает современные роли и новую жизнь” [27, с. 162].

Наиболее органически близкая к Космосу часть человечества – это крестьянство. Поэтому нам предстоит восстановить те формы отношения человека с Природой, Космосом, которые на протяжении тысячелетий культивировала крестьянская цивилизация. Восточные славяне имеют колоссальный и уникальный опыт именно в этом направлении. Коренные качества крестьянской цивилизации станут залогом выживания человечества в экологически осложнённых условиях жизни на Земле.

Сегодня важно понять, предстать себе всю грандиозность, всечеловеческое значение возрождения восточнославянской сельской культуры и быта. Идеи такого рода могли бы стать духовной основой борьбы за спасение человечества от скорой гибели в острозубых челюстях техногенной цивилизации.

Промышленность. В сфере промышленности, как и в сельском хозяйстве, мы должны стремиться следовать величественной природной лаборатории жизни с её взаимосвязанностью и саморегуляцией. В сущности, в природе, как отмечают многие исследователи, есть всё: от локомотора и реактивного двигателя до атомного котла, но принцип их работы иной и энергетика иная. В идеале промышленность должна быть встроена в природный комплекс Земли, органически включена в космобиосферные процессы, быть абсолютно безотходной – как не бывает отходов в природе – и не требовать или почти не требовать для своего функционирования невозобновляемых природных ресурсов. Иначе говоря, промышленность необходимо организовать таким образом, чтобы потребляемое сырьё проходило все стадии безотходной обработки. Это означает, что отходы одного технологического процесса служили бы сырьём для другого, другого для третьего и т. д. В этом направлении и должна определить свой поиск современная научная мысль.

Экологизация промышленности предполагает необходимость теоретической и практической реализации принципиально иной – не техноцентрической и не инструментально-потребительской стратегии хозяйственного развития.

Такая ориентация, как минимум, согласно целому ряду исследователей, предполагает следующие ориентиры движения социума.

Сохранение, использование и развитие только тех технологий, которые в минимальной степени используют природное вещество и наносят минимальный ущерб окружающей среде и здоровью человека. С некоторыми оговорками, речь, прежде всего, здесь может идти о биотехнологии, информационных технологиях, микроэлектронике и микропроцессорной технике. Их применение, по крайней мере, не сопровождается значительным ростом вовлечённости в производство природных ресурсов и увеличением вредных выбросов в атмосферу.

Последовательный отказ от всякого рода искусственных, надуманных потребностей – “псевдопотребностей”, начиная с предметов роскоши и заканчивая бесконечным количеством всевозможных безделушек, которые навязываются рыночной экономикой.

Повсеместный переход к умеренному рациональному питанию с отказом от всякого рода излишеств. Свёртывание химизации сельского хозяйства и пищевой промышленности, развитие биологических методов борьбы с вредителями (вместо гербицидов и пестицидов). Ибо безнравственно до предела “накачивать” почву дорогостоящими стимуляторами в виде химических реактивов с целью получения максимально большого количества продуктов, невзирая на то, будут ли они полезны для здоровья людей или нет, и, соответственно, во всё более крупных масштабах развивать химическую промышленность, интенсивно отравляющую окружающую среду.

Широчайшее распространение садово-огородных участков, с помощью которых население, всё ещё противоестественно сосредоточенное на ограниченных пространствах современных больших городов (“каменных джунглей”), могло бы разнообразить свой рацион натуральными продуктами и вместе с тем приобщиться к предметно-чувственной деятельности (“своими руками”), приносящей большинству людей истинное удовольствие, и тем самым сделать свой досуг и воспитание подрастающего поколения более содержательным.

Постепенный переход к скромной и гигиеничной одежде (не обязательно однообразной) с отказом от модных излишеств. В самом деле, аморально и даже преступно в эпоху надвигающейся тотальной экологической катастрофы каждый день менять дорогостоящие наряды. Важно отказаться от одежды и предметов разового пользования как чрезмерно нагруженных в экологическом отношении и перейти на технологию стирки и уборки, исключаящую химические вещества.

Необходимо взять курс на дезурбанизацию, на строительство небольших самодостаточных, обеспечивающих себя почти всем необходимым посёлков (“ноосферных поселений”), состоящих из небольших домов с оптимальным микроклиматом и хорошей теплоизоляцией (для экономии энергии на обогрев или, соответственно, на охлаждение помещений). Причём там, где это необходимо и возможно, осуществлять монтаж на крышах домов гелиоустановок, мини-ветряков, а на малых водных потоках – мини-ГЭС с целью минимизировать затраты топлива на обогрев и освещение домов, на приготовление пищи и другие бытовые нужды. Необходимо всячески стремиться к освоению новых естественных производительных сил, к развитию энергоёмких производств, к использованию нетрадиционных источников энергии, к увеличению удельного веса “чистой энергетики”, не загрязняющей природную среду. Сегодня к такой энергетике можно отнести солнечные, ветряные, гидравлические на малых и горных реках, приливные, волновые, гео- и гидротермальные электростанции, использующие внутреннее тепло Земли, морей и океанов.

Дезурбанизация, строительство небольших самодостаточных посёлков позволяют в значительной мере осуществить свёртывание современных транспортных средств и сократить расходы на их производство. Непосредственное выражение это должно найти и в расширении пешеходной доступности мест работы, покупок, развлечений, замене автомобиля велосипедом, а на более далёких дистанциях – новыми экономными средствами передвижения.

В результате подобного рода трансформаций кардинально изменится образ и стиль жизни людей. Постепенно отпадёт необходимость в крупных индустриальных гигантах – их вытеснят мелкие предприятия, а работа в основном будет осуществляться на дому, в “электронных коттеджах” (по терминологии

американского исследователя О. Тоффлера). То есть промышленное производство рассредоточится, большие города и гигантские предприятия отойдут в прошлое, и не исключено, что производство в значительной степени вновь приобретет семейный, разукрупнённый характер, а семья, разумеется, в обновлённых и разнообразных формах, опять станет главной структурной единицей общества (“экономической ячейкой”). Таким образом, современное индустриальное общество, где господствует урбанизация, концентрация, стандартизация, специализация, сменится “деурбанизацией”, “деконцентрацией”, “дестандартизацией”... Вполне может случиться, что произойдет в какой-то мере возвращение к натуральному хозяйству только не в его прежней, индивидуально-аграрной форме, а в виде будущих самодостаточных ноосферных поселений, базирующихся на новейших интеллектуальных достижениях.

Мы ограничились здесь самыми общими предположениями относительно будущей экологизированной промышленности. Ибо сейчас трудно предсказать, какие конкретно формы она обретёт в ходе своего дальнейшего развития. Важно, однако, в качестве целевой установки исходить из того, что научно-технический прогресс, прогресс материального производства оправдан лишь в той мере, в какой он обеспечивает воспроизводство здорового, полноценного человека и способствует росту его духовных потребностей и сил (“Все прогрессы реакционны, если рушится человек”). Прогресс сегодня заключается вовсе не в продолжении развития инструментально-технической, технико-потребительской цивилизации (к чему пока ещё усиленно стремятся не только многие отдельные индивиды, но и целые народы и государства), а в сохранении биосферных условий выживания человека, человеческого рода, в переориентации научно-технического прогресса с задач повышения экономической эффективности на задачи спасения биосферы. Поэтому научно-технический прогресс и финансово-экономические интересы сами по себе должны быть не целью, а всего лишь инструментом гармонизации отношений между обществом и природой, средством утверждения высших идеалов человеческого бытия. В условиях надвигающейся тотальной экологической катастрофы научно-технический прогресс должен трансформироваться из средства усоренного извлечения прибыли (заложника финансового капитала) в средство восстановления и сохранения биосферы. Иначе говоря, должна утвердиться коэволюционная парадигма развития, при которой научно-производственная система не стоит над природой, а вписана в неё, осуществляется сообразно природе объектов, внутренней логике их бытия. Но такого масштаба переориентация потребует радикальной трансформации научно-технического прогресса как такового, в частности, полного запрета целого ряда направлений исследовательской и технической деятельности.

В принципе, пришло то время, когда любые производственно-экономические и политические решения, осуществление культурно-информационной политики, функционирование государственных институтов и т. д. должны базироваться на краеугольных духовных и экологических императивах.

Какая же тогда экономическая система призвана утвердиться в будущем?

В настоящее время немало авторов как на Западе, так и на Востоке уже не рассматривают рыночную экономику в качестве вечной внеисторической формы хозяйствования. Напротив, они всё настойчивее выдвигают и обосновывают тезис о том, что грядущее постиндустриальное общество будет принципиально нерыночным или бызрыночным, что у рыночной экономики даже в тех странах, где она исторически возникла и получила благоприятные условия для своего развития, есть свой срок жизни, который, по мере движения этих стран к новому состоянию общества, подобно шагреновой коже, будет непрерывно уменьшаться.

Необходимо отметить, что разговор о закате капиталистической рыночной экономики далеко не новый. Ещё несколько десятилетий тому назад известный американский футуролог А. Тоффлер в знаменитой книге “Столкновение с будущим” высказал мысль о неизбежном закате индустриализма как наиболее адекватного фундамента рыночной экономики. Другой крупный американский исследователь – Э. Фромм – поставил под вопрос главное достижение развитого индустриализма – общество массового потребления. В работе с весьма выразительным названием “Иметь или быть?” он показал, что, во-первых, бесконечная смена потребительских товаров не обеспечивает человеку не только счастья, но и даже душевного равновесия, чувства удовле-

творённости; во-вторых, индустриализм привел к беспрецедентной бюрократизации общественной жизни, превратив человека в ничтожный винтик огромной бюрократической машины (Мегамашины); в-третьих, *общество массового потребления* обернулось для населения неслыханной манипуляцией мыслями, чувствами и вкусами людей, тотальным контролем средств массовой информации над частной и общественной жизнью; в-четвертых, потребительское изобилие коснулось лишь ограниченного числа стран, про́пасть между богатыми и бедными странами увеличивается всё нарастающими темпами; в-пятых, технический прогресс создал угрозу ядерной войны и опасность для окружающей среды... [28, с. 8]. Фромм рассуждает так: в индустриально-потребительском обществе человек чувствует себя усовершенствованной “вещью”, зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни, то есть находится в состоянии отчуждения, становление и рост которого не только связаны с экспансией индустриальной системы, но и непосредственно порождены ею.

В этом плане весьма характерной является книжка Ильи Ставинского “Капитализм сегодня и капитализм завтра”, которая была опубликована в 1995 году в США. В ней автор называет капитализм “самой передовой экономикой”, но при этом считает, что в недрах этой экономики зреет её самоотрицание. Он считает, что уже сегодня из-за роботизации и автоматизации “самая передовая экономическая система” всё больше запутывается в неразрешимых противоречиях, единственный выход из которых он видит в замене частного капитала общественным капиталом и государственным управлением. Всё дело, оказывается, в том, что “невидимая рука” рынка, то есть законы капиталистической рыночной экономики перестают в настоящее время справляться со своими регулирующими задачами и уж наверняка окажутся беспомощными завтра. При этом Ставинский свою мысль о закате рыночной экономики основательно аргументирует и обосновывает. В частности, он показывает, что дальнейшее внедрение в производство науки как непосредственной производительной силы приведёт к быстрому возрастанию производительности труда, что обернётся новыми миллионами выброшенных на улицу трудящихся. А это, в свою очередь, резко сократит ёмкость внутреннего рынка и неизбежно потребует от общества уже не “невидимой руки” рыночного регулирования, но общественно-сознательного управления экономическими процессами [29, с. 85].

Здесь уместно вспомнить и Карла Поланьи, который в 1944 году подвергал весьма аргументированному сомнению универсальность рынка, акцентируя внимание на том, что рынку есть и будет альтернатива [30, р. 49]. Он закладывал основы экономики в широком смысле, или метаэкономики, которая придёт на смену торговому строю и всей старой рыночной парадигме. Метаэкономика должна быть ориентирована не на прибыль, а на коэволюцию биосферы, техносферы и социосферы. Неизвестно, был ли знаком К. Поланьи с трудами русских космистов. Философию Н. Ф. Федорова, видимо, он не знал, но с трудами В. И. Вернадского, видимо, был знаком. И творчески шёл той же дорогой [30, с. 209].

Итак, в начале третьего тысячелетия разговор о капиталистической рыночной экономике как обязательном образце для подражания вне контекста исторического развития, реального состояния и объективных условий тех или иных стран и перспектив мирового развития в целом не является теоретически оправданным. Что же касается стран СНГ и, прежде всего, Белоруссии, России и Украины, то их политика модернизации должна соответственно ориентироваться на новую базовую стратегию. Они должны отказаться от эпигонской концепции “догоняющего развития” и исходить из стратегии “опережающего развития”, “опережающего порядка”.

По нашему мнению, путь к постиндустриальному (постэкономическому) обществу как относительно отдалённой цели, очевидно, будет пролегать через смешанную, социально ориентированную экономику, через комбинацию рыночных и нерыночных факторов, конкуренции и сотрудничества, эффективности и справедливости, частных и общих интересов, индивидуальности и коллективности, самоорганизации и организации – этих хотя и противоречащих друг другу, но не взаимоисключающих сущностей. Их надо не абсолютизировать и противопоставлять, а, следуя принципу дополнительности, рассматривать вместе. Причём в каждом конкретном случае мера сочетания рыночных

и нерыночных факторов должна сообразовываться с объективными природными условиями, с традициями, ментальностью и историческим опытом того или иного народа. Политиков же, которые при решении этой сложнейшей задачи будут впадать в крайности, то есть делать ставку или исключительно на механизмы рыночной саморегуляции, или, напротив, полностью их игнорировать и уповать только на собственную политическую волю и государственное администрирование, неизбежно ждёт крах.

Уже давно многие авторитетные исследователи и политики указывали на перспективность процесса активного формирования *синтезного* общества как некоего противоречивого единства капиталистических и социалистических принципов. “Симбиоз капитализма и социал-демократии” (О. Лафонтен), “Столетие социал-демократии” (Р. Дорендорф), “Социалистическое одомашнивание капитализма” (Ю. Хабермас) – вот лишь некоторые определения этого общества. Сегодня всё указывает на то, что социалистический и капиталистический принцип могут весьма эффективно взаимодополнять друг друга. Нацеленность на социалистические ценности и идеалы сдерживает эгоцентрические проявления буржуазного индивидуализма, вынуждает господствующие слои общества проводить социально ориентированную политику. С другой стороны, буржуазно-либеральная устремленность к автономии личности, к её индивидуальной свободе и независимости служит своего рода противовесом от превращения коллективистских установок в средство подавления индивидуально-личностного начала в человеке, от полного господства общественного над личным, что, как правило, было присуще практике построения социализма.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже на этом переходном этапе к обществу будущего доля государственной собственности в восточнославянских странах в силу их географических и исторических особенностей и традиций должна быть доминирующей. Нам с самого начала нужно отказаться от всяких попыток перевода на рыночную систему хозяйствования тех сфер производства и жизни общества, которые обеспечивают доступ к информации и знаниям, к воспроизводству духовно-нравственного и образовательного потенциала народа. Необходимы также механизмы противодействия всевластию рынка в сельском хозяйстве, оборонной промышленности, в строительстве и распределении жилья, в сфере медицины. В собственности государства должны находиться, прежде всего, добывающая промышленность, электроэнергетика, транспорт, предприятия ВПК; государство должно взять на себя создание экономической инфраструктуры.

В ходе реформирования своих социально-политических и экономических структур восточнославянские страны не должны уклоняться в сторону или идти назад, а должны исходить из ведущих тенденций современного мирового развития. Одна из таких тенденций – регулирование и планирование. Регулирование и планирование становятся важнейшим измерением современной цивилизации. Они, хотя и по-разному, проявляются сегодня в любой социальной системе. Это общая тенденция. Во всем мире по мере усиления интеграционных процессов роль планирования, программирования и регулирования возрастает. Это обстоятельство, заметим, ставит восточнославянские страны в стратегически выгодное положение. Ибо они, в отличие от стран Запада, накопили не только огромный и уникальный опыт планового регулирования и управления экономикой, но и небывалый, не имеющий аналогов в мире опыт интеграции. Почему же мы в начале третьего тысячелетия должны от этого опыта отказываться? Наоборот, этот опыт, в известной мере, может явиться гарантией успешного преодоления нами временно возникших трудностей и способности дать адекватный ответ на объективные вызовы современности.

Становление и развитие нового экономического уклада не может быть достигнуто без эффективного народного контроля над всемогущей ныне номенклатурой, захватившей все важнейшие рычаги управления в экономике. Контроль народа над экономикой при нормальном развитии общества может приобретать самые разнообразные формы. Реальным способом отстранения правящей номенклатуры от политической и экономической власти является постепенное вращение экономической и политической демократии в сложившуюся систему общественных отношений. При этом, нам представляется, одной из оптимальных форм общественного контроля над экономикой могут стать производственные, потребительские промысловые и кредитные коопе-

ративы, кооперативное движение. Это движение показало, на какую высоту сознательной деятельности может подняться народный дух, дать образцы практической сметки, необычайной предприимчивости, удивительной способности народа к самоорганизации. Поскольку в восточнославянских странах исторически сложилось тяготение к артельно-коллективным и кооперативным формам труда, они, судя по всему, могут сыграть решающую роль не только в экономическом возрождении, но и в становлении реальной экономической демократии, выступить своего рода “русским проектом” смешанной демократической экономики. Российский исследователь Н. В. Роботяжев, например, говоря о необходимости утверждения экономической демократии, пишет: “Модель смешанной экономики, которую можно назвать народным капитализмом или русским демократическим социализмом (дело не в словах), даст возможность каждому человеку стать творцом, раскрыть свои таланты, проявить инициативу и предприимчивость. Она может быть поддержана как либералами-западниками (поскольку открывает широкий простор для проявления личной инициативы), так и почвенниками-славянофилами (поскольку идея экономической демократии соответствует русским артельным традициям, а контролируемая народом экономика, возможно, и станет тем *русским путём* хозяйственного развития, в котором проявится национальная самобытность). Вполне можно рассчитывать на поддержку этой экономической платформы и социал-демократами, и христианскими социалистами, и даже недоматематическими коммунистами. Представляется, что именно идея экономической демократии и смогла бы творчески слить патриотическую Русскую идею (не в осуществлении ли социальной Правды и заключается историческое призвание России?), либеральную идею Свободы и социалистическую идею Справедливости” [31, с. 78].

Конечно, путь к духовно-экологической цивилизации будет трудным и длительным. К тому же мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, что история и общество будут развиваться не только благими пожеланиями. Не случайно, когда речь заходит об ограничении уровня потребления современных людей во имя будущих поколений, то у многих (и не только простых обывателей, но и у некоторых исследователей) возникает вопрос: “А стоит ли заботиться о будущем и о потомках, если они для нас, ныне живущих, ничего не в состоянии сделать хорошего?”

Ряд авторов считает, что на этот вопрос вообще невозможно дать сколь-нибудь вразумительный и утвердительный ответ. Например, Р. Хейлбронер отмечает, что вопрос о том, выживет ли человечество, в сущности, мало кого заботит. По его глубокому убеждению, большинству людей до этого вообще нет дела, и они вряд ли согласятся пожертвовать крупицей своего комфорта, скажем, воздержаться от употребления аэрозолей, чтобы продлить историю человечества хотя бы на сто лет. И, конечно же, не откажутся от расточительной мясной диеты. “Тысяча лет – это невообразимо отдалённое будущее, – размышляет Хейлбронер. – Даже столетие намного превосходит силу нашего отчётливого воображения. К 2075 году я, вероятно, буду мёртв уже четверть столетия. Мои дети тоже, по-видимому, умрут, а мои внуки, если они у меня будут, впадут в старческое слабоумие. И что мне за дело, в таком случае, какой будет жизнь в 2075 году, не говоря уже о 3075-м? К чему мне шевелить даже пальцем, чтобы повлиять на события, которые будут иметь для меня не больше смысла 75 лет спустя после моей смерти, чем те, которые случились за 75 лет до моего рождения?” [32, р. 14]. Он приходит к выводу, что вообще не существует никаких рациональных доводов в пользу заботы о потомстве, напротив, все рациональные соображения якобы заставляют нас отрицательно относиться к этому.

Не вдаваясь в критический анализ подобного рода рассуждений, заметим, что если бы наши предки поступали столь эгоистично, как предлагают некоторые авторы нам, были бы мы тогда на свете? Безусловно, нет. Значит, и нам нужно продолжить их линию, не допускать перерыва в живой цепи поколений.

Мы не можем в точности предвидеть, какая экологическая картина вырисовывается в XXI веке. Многие из того, о чём было сказано в этой статье, носит гипотетический характер.

Как бы, однако, ни сложилась дальнейшая судьба восточнославянских народов, поиск ими иных – лежащих за пределами чисто экономического общества – форм жизни людей, несомненно, будет востребован последующими

ми поколениями. Думается, что именно на внеэкономическом поприще, в ходе формирования постэкономической цивилизации эти народы смогут достигнуть наивысшей степени своей исторической самореализации. Прорыв к духовно-экологической цивилизации – их высшее предназначение, идеал и цель.

Трудно не согласиться со словами патриарха Кирилла, сказанными на X Всемирном русском народном соборе: “Мир скоро востребует свойственных русской цивилизации идеалы самоограничения, приоритета духовного – над материальным, жертвенности и долга – над потребительством и эгоизмом, любви и справедливости – над “правом сильного”. Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений, разных религий. Русскому народу никогда не было свойственно стремление силой, храбростью или коварством переделывать другие нации. Будут востребованы энергия нашего народа, его верность в служении человечеству, корни которой – в нашей истории, в духовности и культуре, в нашем служении Богу и истине Его”.

г. Гродно

Список литературы:

1. Иванов А. В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин // Вести Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 1999. – № 6.
2. Федотов А. П. Каноны современного мира / А. П. Федотов // Вестник Московского университета. – Сер. 7. – Философия. – 1997. – № 4.
3. Новожёнов Ю. И. Утопична ли “русская идея”? / Ю. И. Новожёнов, В. П. Лукьянин // Москва – 1999. – № 7.
4. Экология культуры. – М., 2000.
5. Василенко Л. И. “Очарованный странник” против “экономического человека” / Л. И. Василенко // Москва – 1998. – № 4.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О. Лосский // Философия и жизнь. – 1991. – № 2.
7. Кара-Мурза С. Хозяйство и этничность / С. Кара-Мурза // Социально-гуманитарное знание. – 2007. – № 5.
8. Соловьёв Вл. Соч.: в 2-х т. / Вл. Соловьёв. – М., 1988. – Т. 1.
9. Степин В. С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1997. – № 5.
10. Русская идея. – М., 1992.
11. Российская ментальность (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. – 1994. – № 1.
12. Покровский Н. Е. Одиночество и anomia (Философские теоретико-социологические аспекты): автореф. дис. Д. с. н. / Н. Е. Покровский – М., 1996.
13. Казинцев А. И. Дао Тун / А. И. Казинцев // Наш современник. – 2000. – № 10.
14. Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М., 1998.
15. Соколова Р. И. Традиция как духовный фундамент политической стратегии / Р. И. Соколова // Философские науки. – 2011. – № 9.
16. Симуш П. И. Мир таинственный: Размышления о крестьянстве / П. И. Симуш. – М., 1995.
17. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. – Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
18. Косолапов Н. А. По поводу прослушанного доклада “История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса” / Н. А. Косолапов // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных “Глобальный мир”. Вып. 6 (29). – М., 2003.
19. Ефимчик И. В. Социальная организация – прошлое без будущего? (наивные вопросы дилетанта) / И. В. Ефимчик // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3.
20. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций / И. Р. Шафаревич. – М., 2004.

21. Бердяев Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 19–20.
22. Ковалев Е. В. Органическое земледелие – ответ на вызов времени / Е. В. Ковалев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
23. Гольц Г. А. Культура и экономика: попытки взаимосвязей / Г. А. Гольц // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1.
24. Белоцерковский В. В. Россия и капитализм // Свободная мысль. – 1999. – № 1.
25. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А. В. Чаянов. – М., 1991.
26. Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно / Д. И. Менделеев. – М., 1991.
27. Зарубина Н. Н. Кто будет работать в России / Н. Н. Зарубина. – Москва. – 2003. – № 4.
28. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – М., 1990.
29. Бутенко А. П. Философия истории и XX столетие / А. П. Бутенко // Философия и общество. – 1997. – № 5.
30. Polanyi Karl / The Great Transformation – 1944.
31. Работяжев Н. В. Экономическая демократия – благосостояние для всех. – Свободная мысль. – 2000. – № 3.
32. Heilbroner R. L. What has posterity ever done for me? – “The New York Times Magazine”, January 15. – 1975.